

Берлинская стена. История. Падение

Иван Кузьмин

Хотя сооружение Берлинской стены и само ее существование являли собой демонстративное попрание прав человека, нельзя не признать, что длительное время стена была существенным элементом стабилизации обстановки в Европе и во всем мире. Ее падение в ночь с 9 на 10 ноября 1989 г. стало главным символом крушения мировой системы социализма.

Отмечая в наши дни двадцатилетие этой даты, мы отдаем себе отчет в том, что сегодня многие наши современники слабо представляют себе обстановку, в которой произошло это событие, а – тем более – какие обстоятельства потребовали сооружение “защитного вала социализма”, без малого полвека тому назад, в августе 1961 г.

В своей публикации я хотел бы остановиться не только на обстоятельствах, связанных с падением Берлинской стены 9 ноября 1989 г., очевидцем которого я был, работая в то время в столице ГДР, но также привести некоторые общие характеристики, связанные с существованием стены.

Имеет значение и то обстоятельство, что я был прямым свидетелем самого “возникновения стены”, то есть перекрытия границы между Восточным и Западным Берлином 13 августа 1961 г. и, в определенном смысле, принимал непосредственное участие в этом событии. Поскольку в наши дни таких свидетелей осталось уже совсем немного, я вначале позволю себе более подробно остановиться на происшедшем.

КУЗЬМИН Иван Николаевич – профессор, доктор политических наук, доктор философии Гумбольдтского университета в Берлине. С 1994 г. по 2007 г. ведущий научный сотрудник Дипломатической академии МИД России. В прошлом сотрудник советской внешней разведки, полковник в отставке.

Ключевые слова: Берлинская стена.

История

В августе 1961 г. мне было 36 лет, я имел воинское звание майора и занимал должность заместителя начальника информационного отдела в аппарате КГБ СССР в Берлине. Одновременно был аккредитован как офицер связи при главном управлении “А” МГБ ГДР, то есть при восточногерманской разведке, которую возглавлял генерал Маркус Вольф. В этом качестве я отвечал за обмен политической, военной и экономической информацией с немецкими друзьями.

Летом 1961 г. напряженность в берлинском вопросе достигла своего апогея.

В начале июня советский лидер Н.С.Хрущев направил руководителям трех западных держав ультиматум с требованием, чтобы они в течение шести месяцев прекратили противоправную оккупацию Западного Берлина и обеспечили его превращение в демилитаризованный вольный город. Требования ультиматума сочетались с угрозой заключить мирный договор с Германской Демократической Республикой и передачей ей контроля над доступом в Западный Берлин.

В конце июля 1961 г. президент США Дж.Ф.Кеннеди дал ответ на ультиматум Хрущева, сформулировав три принципа политики в отношении Берлина, которые являлись непреложными для западных держав, а именно:

- *во-первых*, право западных держав на присутствие в Берлине;
- *во-вторых*, право беспрепятственного доступа в Берлин с территории ФРГ;
- *в-третьих*, обеспечение жизнеспособности Западного Берлина.

В эти месяцы в закрытом городке в Берлине-Карлсхорсте, в котором размещались учреждения советских спецслужб и проживали сотрудники по-

сольства и других наших учреждений, царило чувство тревожного ожидания. Тревога нарастала из-за публикаций в прессе СССР и ГДР, которые развивали требования советского лидера, подкрепляя предчувствие, что назревает опаснейший военно-политический кризис. Одновременно появились признаки усиления советского военного присутствия: на улицах нашего городка открыто стали курсировать танки и бронетранспортеры, а на территории стадиона было развернуто большое подразделение радиоперехвата с десятками высоких антенн.

Тягостное восприятие окружающего усиливалось и в связи с крайне неблагоприятной погодой. Август 1961 г. выдался необыкновенно жарким и душным. Даже ночи не приносили прохлады. Сквозь открытые окна и балконную дверь с близлежащей станции городской железной дороги доносились гулкие команды диспетчеров, объявлявших маршруты прибывающих электричек. Многие поезда в западном и северном направлениях следовали через западные сектора Берлина. Звучали названия конечных и пересадочных станций: Вестэнд, Весткройц, Ванзее и пр. Десятки тысяч немецких пассажиров ежедневно пересекали секторальные границы в обоих направлениях. Многие из них не возвращались домой в ГДР из этих поездов. В 1960 г. на Запад бежали 199 тыс. граждан ГДР, а в 1961 г. число невозвращенцев достигло к августу месяцу астрономической цифры – 207 тыс.

Общий настрой в августе был безрадостным. По западному радио ежедневно сообщалось, что в Западный Берлин через секторальную границу бежали от одной до двух тысяч восточных немцев. Предчувствовалась близость драматической развязки.

Чем же все это кончится?

Закрытый советский городок в Берлине – Карлсхорст стал менее многолюдным. Хотя отпуска для советских сотрудников в тот период были ограничены, многие отправили домой в Советский Союз жен и детей, боясь опасного развития событий. Передавались нам и тревожные настроения самих немцев.

Явно опустели полки в магазинах, поскольку наиболее качественные товары благодаря спекулятивному курсу обмена марок ГДР на западные марки в большом объеме перемещались в Западный Берлин. Продавцы в магазинах стали требовать у покупателей предъявления удостоверений личности, чтобы исключить продажу товаров за марки ГДР западным немцам. Правда, русских они безошибочно узнавали, когда мы еще не успевали раскрыть рта...

Между тем, я только что получил автомобильные права и упорно продолжал осваивать вождение автомашины, которое отвлекало от тревожной обстановки вокруг. К тому же в начале августа в Берлин приехал мой дальний родственник – видный деятель советской культуры. Мое начальство разрешило мне после работы возить его по городу.

В один из свободных вечеров он попросил меня отвезти его к давним знакомым немцам. Я уже не помню их статуса и должностей. Осталось в памяти лишь то, что супруги имели персональные автомашины с личными шоферами. Они жили в пригородном районе Грюнау на берегу озера в роскошной вилле, окруженной цветущими кустарниками.

Хозяева еще не возвратились с работы, и нас приняла их дочь – студентка выпускного курса. Разговор с ней постепенно перешел на серьезные темы и невольно коснулся бегства восточных немцев на Запад. Мой родственник задал девушке провоцирующий вопрос: “А сама она не собирается ли перебраться на Запад?” Девушка отвечала совершенно спокойно: “Зачем же? Сейчас это было бы неразум-

но. Вот когда получу диплом врача, я подумаю”. Ее ответ буквально ошеломил меня, учитывая достаток и комфорт, в котором жила в ГДР эта молодая немка.

В 1960 г. и в первой половине 1961 г. я часто сопровождал начальника инспекции по безопасности при Верховном комиссаре по Германии (так именовался в то время аппарат КГБ в Берлине) генерала А.М.Короткова в МГБ ГДР, имея задачу протоколировать его беседы с министром Э.Мильке и другими руководителями министерства. Можно полагать, что именно в тот период активно обсуждались вопросы перекрытия границы в Берлине.

Правда, в моем присутствии эти вопросы не затрагивались.

Тем не менее, я участвовал в обсуждении концепции “Книги фактов о подрывной деятельности из Западного Берлина против социалистических стран”, которая должна была заблаговременно обосновать правомерность превентивных мер ГДР против бегства на Запад своего населения. Запоздалый выход книги только в 1962 г., возможно, свидетельствовал о корректировке сроков проведения этой акции.

Что касается самих мероприятий по перекрытию границы в Берлине, то они оказались совершенно внезапными и на бытовом уровне, и для государственных учреждений как на Востоке, так и на Западе. Несмотря на то, что в их планировании, подготовке и проведении участвовали десятки тысяч граждан ГДР, они выявили несостоятельность западных спецслужб, которые утверждали, что чувствуют себя в Восточной Германии, как дома.

Рано утром 13 августа нас разбудил грохот на улице тяжелых танков. Они следовали нескончаемой колонной мимо нашего дома на Лорелейштрассе вдоль городской железной дороги. Вскоре меня вызвали на службу, а воскресенье было объявлено для советских

учреждений в Берлине рабочим днем. Несколько минут спустя я прибыл к себе на службу в аппарат КГБ, который размещался в то время в здании бывшего немецкого военного госпиталя на Кепеникер Аллее. Сразу после появления на работе я был назначен оперативным дежурным по аппарату КГБ, дополнительно к повседневному наряду в составе постоянных дежурных и ответственного дежурного, и в этом качестве в течение восьми часов был обязан выезжать в город для знакомства на месте с обстановкой и следить за поступающими из МГБ ГДР и немецкой народной полиции сообщениями и документами.

В городе повсеместно были на видных местах расклеены объявления, что с 13 августа 1961 г. гражданам ГДР закрывается доступ в Западный Берлин.

В 2 часа ночи на 13 августа вдоль всего протяжения границы с Западным Берлином были размещены оцепления из личного состава боевых дружин рабочего класса, народной полиции и пограничной полиции.

Поперек улиц, ведущих в Западный Берлин, были установлены проволочные заграждения, а также различные препятствия. На некоторых участках были сооружены баррикады и выкопаны рвы.

Сквозное сообщение поездов городской железной дороги и других видов городского транспорта через секторальные границы с Западным Берлином было прекращено.

Оцепление вдоль границы функционировало следующим образом.

На удалении около 300 м от границы размещалась первая линия оцепления – бойцы боевых дружин рабочего класса. Они требовали предъявления документов и беспрепятственно пропускали дальше только тех граждан, которые проживали в Демократическом Берлине за линией оцепления.

Вторая линия оцепления – служащие народной полиции ГДР – располагалась на

удалении примерно 200 м от первой линии. Они также пропускали после предъявления документов жителей близлежащих домов.

Наконец, непосредственно вдоль границы располагалась третья линия оцепления из служащих двух пограничных бригад. Здесь пропускались лишь жители домов, расположенных непосредственно вдоль границы с Западным Берлином.

На протяжении границы были оставлены 12 контрольно-пропускных пунктов для дипломатов, военнослужащих США, Англии и Франции, для иностранцев, для жителей ФРГ и Западного Берлина, обладавших специальными пропусками. В скором времени число этих КПП было сокращено до 5.

Во время поездки по Восточному Берлину 13 августа я убедился, что обстановка в городе вполне спокойная и в связи с оцеплениями вблизи границы не возникает сколько-нибудь существенных инцидентов. Об этом же свидетельствовали и сводки об обстановке, поступавшие из народной полиции и из МГБ ГДР. Запомнился пассаж из одной сводки: “Проститутка Н. (угол Фридрихштрассе/Кроненштрассе) дискутирует отрицательно: “Они (власти) прерывают любое общение”.

Впрочем, серьезное беспокойство и у нас, и у властей ГДР вызывала обстановка, которая могла сложиться уже на следующий день, 14 августа. Ведь в Западном Берлине легально и нелегально работали более 50 тыс. жителей Восточного Берлина и прилегающих районов ГДР. Вполне реальной казалась возможность, что в понедельник в начале рабочего дня вблизи одного из прежних переходов через границу могут столпиться тысячи восточных немцев, не получивших расчета на Западе. Однако эти опасения не подтвердились.

Закрытие границы с Западным Берлином сопровождалось резким ухудше-

нием советско-американских отношений и демонстративными шагами обеих стран.

Так, главнокомандующим Группы Советских Войск в Германии был назначен Маршал Советского Союза И.С.Конеv. Американцы в ответ на это назначили комендантом американского сектора Берлина генерала Люциуса Клея, бывшего главноначальствующего в своей зоне оккупации Германии.

Действия генерала Клея отличались заметной активностью и подчас проводились без согласования с Вашингтоном. Некоторые из них были явно неразумными.

Так, 28 октября американцы под прикрытием танковой части, используя тяжелую строительную технику, попытались провести демонстративную акцию по сносу части заграждений на границе между Западным и Восточным Берлином у Бранденбургских ворот. Эта провокация была сорвана советскими танкистами.

Провокация 28 октября имела свою предысторию.

Накануне, 27 октября, генерал Клей и его заместитель появились на восточно-берлинском КПП на Фридрихштрассе в гражданской одежде и, отказавшись предъявить документы, удостоверяющие личность, потребовали пропустить их в Восточный Берлин. Когда пограничники ГДР отказали в пропуске, генерал Клей возвратился назад, поднялся в американский танк и приказал следовать через КПП.

Пограничники ГДР не препятствовали этому и подняли шлагбаум.

Американский танк углубился на территорию Восточного Берлина на пару сотен метров, и генерал, не ведая, что делать дальше, приказал развернуться и возвратиться назад.

Возвратившись в свою штаб-квартиру, Клей отдал приказ, запрещающий пропускать на территорию американского сектора советского военного коменданта и его заместителя. Во исполнение этого приказа всем советским военнослужащим, намере-

вавшимся въехать в американский сектор, вручался формуляр с вопросом: "Являетесь ли Вы советским комендантом или его заместителем?" На этот вопрос надлежало дать отрицательный ответ.

Выполнение этого приказа повлекло за собой совершенно непредвиденные последствия.

Следуя 28 октября на дежурство в Берлинский центр безопасности полетов, советский представитель в ранге майора не стал отвечать на вопрос формуляра и возвратился за инструкциями в Карлсхорст.

Двухчасовое отсутствие советского представителя заблокировало работу центра воздушной безопасности и было расценено как ответная реакция советской стороны. Американский приказ пришлось отменить.

В последующий период генерал Клей, который приобрел статус специального уполномоченного президента США в Берлине, пытался организовать ряд провокаций у границы со столицей ГДР.

Закрытие границы с Западным Берлином, несомненно, способствовало стабилизации обстановки в ГДР и существенно разрядило конфликтную ситуацию в берлинском вопросе. Однако и после ликвидации открытой границы в Берлине масштабы бегства жителей ГДР на Запад остались довольно внушительными: в среднем до 10 тыс. в год. В этом числе до тысячи человек ежегодно уходили с прорывом границы.

Всего же с августа 1961 г. до июля 1989 г. на Запад ушли более 200 тыс. чел. При попытках бежать в ФРГ и Западный Берлин на германо-германской границе были убиты более ста восточных немцев.

Сразу же после 13 августа 1961 г. были начаты работы по укреплению пограничных сооружений, которые завершились возведением почти сплошной бетонной стены вокруг всего Западного Берлина, общая протяженность которой составила 165,7 км. К

1970 г. Берлинская стена была оборудована, согласно официальной терминологии, принятой в ГДР, как “временная граница”.

Ширина полосы пограничных сооружений обычно составляла от 50 до 100 м. На ней располагались две стены из бетонных плит высотой около трех метров, между которыми находились контрольно-следовая полоса, окопы и разного рода заграждения, сторожевые вышки для часовых и помещения для служебных собак.

Поверх внешней бетонной стены были закреплены несколько ниток колючей проволоки, обращенные в сторону Восточного Берлина. С этой стороны стена была выкрашена в белый цвет и в ночное время освещалась прожекторами.

Вдоль стены постоянно патрулировали вооруженные наряды служащих пограничных войск, которые имели приказ немедленно открывать огонь на поражение по нарушителям границы. На участке, примыкавшем к р. Шпрее, внешняя стена отсутствовала, а на некоторых участках вне города вместо внутренней стены был сооружен забор из металлической сетки.

Несмотря на возведение Берлинской стены, попытки бегства на Запад неизменно продолжались и через данный участок границы.

При этом практиковались весьма многообразные способы: использование туннелей и сооружение подкопов под стену, конструирование и применение летательных аппаратов, использование тяжелых строительных машин для прорыва границы, пересечение границы в специально оборудованных тайниках на различных видах транспорта и т.п.

Для ухода на Запад широко использовались также фальшивые документы, которые изготавливались многочисленными криминальными центрами в Западном Берлине и ФРГ. Были и единичные попытки прорыва границы с применением оружия.

В результате подобных случаев погибли пять пограничников ГДР.

Некоторое время после 13 августа на одной из центральных площадей Вос-

точного Берлина, Штраусбергер платц, каждый вечер проводилась церемония развода караула, охранявшего границу. Кроме пограничников в церемонии участвовали несколько старых танков и бронетранспортеров. Играл оркестр.

Итоги перекрытия границы с Западным Берлином подводились весной 1962 г. В столицу ГДР прибыл Председатель Президиума Верховного Совета СССР А.И.Микоян в сопровождении нескольких высокопоставленных чиновников.

В советском посольстве в Берлине состоялось собрание партийного актива советских учреждений в ГДР и представителей ГСВГ.

После краткого выступления А.И.Микояна с приветственным словом последовало развернутое сообщение одного из заместителей министра иностранных дел СССР, фамилию которого я уже не помню. Он, в частности, призывал тщательнее анализировать обстановку, чтобы обеспечить достоверность прогнозов ее развития.

Выступивший в заключение Маршал Советского Союза И.С.Конеv признал важность аналитической работы, однако главным требованием, по его словам, сегодня является постоянная готовность к немедленным действиям в ответ на любые провокации противника.

Он, в частности, напомнил, что 13 августа 1961 г. американские самолеты сразу же прекратили облет территории ГДР, как только он предупредил, что немедленно отдаст приказ сбивать их.

Советские вооруженные силы сегодня постоянно готовы к отражению любой провокации противника.

Обращаясь к А.И.Микояну, он призвал его наградить дипломатов и военных, которые обеспечили надежное перекрытие границы с Западным Берлином.

Вскоре после перекрытия границы с Западным Берлином в структуре МГБ ГДР был создан специальный VI главный отдел, задача которого определялась, как “обеспечение безопасности и

пограничный контроль”. Этот отдел постоянно сотрудничал с другими оперативными подразделениями центрального аппарата и приграничных округов. Профилактическая и информационная работа в этой области велась министерством весьма интенсивно и на плановой основе.

В частности, центральная группа информации и анализа министерства каждое

полугодие выпускала обзорно-аналитическую записку “О состоянии и тенденциях развития при выезде граждан ГДР в ФРГ и Западный Берлин, а также при бегстве из республики”.

В записках приводились подробнейшие статистические данные, о социальном статусе, об образовании, возрастном и профессиональном составе граждан, покинувших ГДР, предпринимались попытки разобраться в их мотивации.

Падение стены

Что касается падения Берлинской стены в ноябре 1989 г., то ему предшествовал глубочайший политический кризис в Германской Демократической Республике, который разрешился в весьма узких временных рамках – с сентября по декабрь 1989 г. Его основными проявлениями были исход населения ГДР на Запад и формирование массовых партий и организаций, оппозиционных режиму СЕПГ. 18 октября последовало освобождение Э.Хонеккера с поста генерального секретаря ЦК СЕПГ. Приход к власти Эгона Кренца и его сторонников, провозгласивших “политику поворота”, не привел к нормализации обстановки. Стремительный развал государственных и общественных структур республики продолжался.

Крушение режима СЕПГ сопровождалось мощным подъемом политической активности масс, проявлением чего стали повсеместные демонстрации, митинги, собрания, образование новых политических партий и организаций, борьба за переориентацию прежних партий, активизация Народной палаты ГДР и местных выборных органов, появление на политической арене большого числа новых лидеров.

Совокупность этих причин обусловила обвальный характер кризисного развития в Восточной Германии.

В сентябре – октябре 1989 г. по всей ГДР произошло организационное оформление “Нового форума” и других оппозиционных движений и партий. Этому в значительной степени способствовала массированная кампания по радио и телевидению ФРГ и Западного Берлина.

Перечисленные внутренние причины усугублялись внешними факторами – начавшимся распадом Организации Варшавского Договора и особенно готовностью руководителей СССР в лице М.С.Горбачева и его соратников отказаться от своих геополитических и геостратегических позиций в странах Центральной и Восточной Европы.

Особая острота внутреннего кризиса в ГДР была обусловлена катастрофическим масштабом исхода ее населения на Запад. Восточную Германию через Венгрию ежедневно покидали около тысячи человек. В начале ноября для них открылась и чехословацко-западногерманская граница, через которую только за неделю в ФРГ выехали 50 тыс. восточных немцев. Общее число беженцев и переселенцев из ГДР в ноябре достигло астрономической цифры – 110 тыс. чел.

В этих условиях в центре внимания восточногерманского общества находилась подготовка нового закона, регламентирующего вопросы выезда за границу. 6 ноября в прессе

ГДР был опубликован проект такого закона.

Этот законопроект ограничивал общий срок пребывания на Западе тридцатью сутками и содержал пространный перечень причин для отказа в выдаче разрешения на поездку.

Причины отказа были сформулированы весьма нечетко, явно провоцируя произвол полицейских властей. Для финансирования поездок на Запад предусматривалась возможность обмена 15 марок ГДР на западные марки по курсу 1:1 один раз в году.

Опубликованный законопроект вызвал всеобщее недовольство и привел к крайнему обострению обстановки в стране.

7 ноября советский посол В.И.Кочемасов был принят Э.Кренцем, а затем имел беседу с министром иностранных дел ГДР О.Фишером, которые проинформировали его о резком ухудшении ситуации в республике.

В частности, нужно было учитывать нарастающее давление со стороны руководителей ЧССР, которые, угрожая закрытием въезда для восточных немцев, в ультимативном порядке стали требовать от руководства ГДР немедленного урегулирования обстановки. Политбюро ЦК СЕПГ обсчитало в этой связи необходимым включить в новую редакцию закона о поездках за границу положение о том, что граждане ГДР, если они примут решение переселиться в ФРГ, смогут направиться туда напрямую, а не окольным путем через третьи страны. Специально с этой целью на территории ГДР близ Ширдинга будет оборудован особый контрольно-пропускной пункт. Положение о подобном порядке выезда вступит в силу немедленно, до принятия соответствующего закона Народной палатой. Руководство ГДР хотело бы знать мнение советской стороны по этому поводу. Учитывая остроту ситу-

ации, необходимо принятие решения в экстренном порядке.

Кочемасов немедленно проинформировал министра иностранных дел Э.А.Шеварднадзе.

Последний сказал: "Если немецкие друзья считают возможным подобное решение, мы, очевидно, не будем иметь возражений". Он обещал дать окончательный ответ не позднее 9 ноября¹.

По поручению политбюро ЦК СЕПГ эксперты МГБ и МВД ГДР 8 ноября начали разработку положения, регулирующего порядок выезда из ГДР на постоянное место жительства. Это положение должно было быть оформлено, как решение Совета министров ГДР и вступить в силу 10 ноября. Эксперты включили в текст решения также специальный пункт о краткосрочных частных поездках граждан, отмечая, что такие поездки могут предприниматься без необходимости их обоснования. Разрешения будут предоставляться в кратчайшие сроки. Отказы в выдаче разрешений предусматриваются лишь в особых исключительных случаях.

Указанное положение было к полудню 8 ноября представлено для согласования в отдел безопасности ЦК СЕПГ и руководству МГБ, МВД, а также МИД ГДР. Во время одного из перерывов на заседании пленума оно было утверждено политбюро ЦК СЕПГ.

Утром 9 ноября руководители ГДР настойчиво пытались узнать у советского посла и его заместителей, какой ответ последовал из Москвы. Однако их запросы оставались без ответа.

Дело в том, что непрерывные попытки посла В.И.Кочемасова связаться как с министром Э.А.Шеварднадзе, так и с главным политическим советником Горбачева Г.Х.Шахназаровым остались безуспешными.

В этой ситуации примерно в полдень заместитель министра иностранных дел И.Абоимов выразил согласие с тем, чтобы Кочемасов дал Э.Кренцу положительный ответ в связи с предложениями руководства ГДР о выезде ее граждан за границу.

Со стороны Абоимова это было явным превышением его полномочий. При этом Кочемасов и Абоимов имели в виду, что они одобрили первоначальный вариант, предложенный О.Фишером 7 ноября¹.

9 ноября около 16.00 Э.Кренц на заседании пленума ЦК СЕПГ зачитал окончательный текст постановления Совета министров ГДР, прервав ради этого обсуждение одного из текущих вопросов.

Пленум проходил в крайне напряженной и нервной обстановке. Его участники были поглощены обсуждением кадровых решений и без должного внимания восприняли текст, зачитанный Э.Кренцем. К тому же название документа вводило в заблуждение: "Решение об изменении ситуации с выездом граждан ГДР в ФРГ через ЧССР". Постановление было принято фактически без обсуждения. Кренцу был задан лишь один вопрос, согласовано ли постановление с советскими товарищами, на что был дан утвердительный ответ.

Э.Кренц огласил следующий текст: "Товарищ Вилли Штоф как исполняющий обязанности председателя Совета министров предложил постановление, текст которого я сейчас зачитаю потому, что оно утверждено политбюро и имеет такое значение, что я хотел бы проконсультироваться с Центральным Комитетом.

Принимается следующее решение:

1. Постановление от 30 ноября 1988 г. о поездках граждан ГДР за границу не будет применяться до вступления в силу нового закона о поездках.

2. Немедленно вступает в силу следующее временное урегулирование для поездок и для выезда на постоянное место жительства из ГДР за границу:

а) Частные поездки за границу могут предприниматься без необходимости их обоснования. Разрешения будут предоставляться в кратчайший срок. Отказ возможен лишь в особых исключительных случаях.

б) Компетентные паспортно-визовые отделения районных отделов Народной полиции ГДР обязаны без промедления предоставлять визы для выезда на постоянное место жительства.

в) Выезд на постоянное место жительства может осуществляться через все контрольно-пропускные пункты между ГДР и ФРГ, а также Берлином (Западным).

г) Тем самым отпадает временно действующее предоставление соответствующих разрешений зарубежными представителями ГДР, а также выезд на постоянное место жительства через третьи страны.

3. Сообщение о принятом временном переходном решении должно быть опубликовано 10 ноября¹.

Около 17.30 Г.Шабовский, который почти не присутствовал в зале заседаний при оглашении переходного решения, непосредственно перед своей пресс-конференцией по телевидению обратился к Э.Кренцу. Тот передал ему текст только что принятого решения, добавив, что это будет сенсация.

В шесть часов вечера 9 ноября центральное телевидение ГДР передало пресс-конференцию с членом политбюро, секретарем Берлинского окружкома СЕПГ Гюнтером Шабовским, который проинформировал о работе пленума ЦК в этот день. В самом конце пресс-конференции Шабовский зачитал постановление о том, что вводится свободный въезд в ФРГ и Западный Берлин.

Отвечая на вопрос одного из журналистов, Шабовский ошибочно утверждал, что постановление вступает в силу сейчас же, без промедления. При этом он упустил из внимания заключительные слова заявления, что оно мо-

жет быть опубликовано не раньше завтрашнего дня, то есть, 10 ноября.

Заявление Шабовского регулярно повторялось в передачах радио и телевидения ГДР. Одновременно радио- и телевизионные программы ФРГ и Западного Берлина с каждым выпуском новостей давали все более смелые комментарии к словам Шабовского. С нарастающей уверенностью следовали утверждения, что предусмотрена немедленная отмена пограничного контроля на переходах в Западный Берлин. Под воздействием подобной пропаганды тысячи жителей Восточного Берлина и его окрестностей вечером 9 ноября устремились к секторальным границам с Западным Берлином. Перед пограничными КПП скопились большие толпы людей.

Эгон Кренц в своих мемуарах пишет по этому поводу, что 9 ноября около 21.00 ему позвонил по телефону бывший министр Э.Мильке, который вплоть до начала исполнения обязанностей правительства Х.Модрова продолжал выходить на работу в МГБ ГДР. В своем кабинете в министерстве он находился и вечером 9 ноября.

Мильке проинформировал Кренца, что у границы с Западным Берлином собираются тысячи людей, которые требуют пропустить их на ту сторону. Между Мильке и Кренцем состоялся следующий диалог:

Кренц: – Что делать?

Мильке – Если не принять немедленно решения, мы потеряем контроль.

Кренц – Что ты предлагаешь?

Мильке – Ты генеральный секретарь. Тебе и принимать решение.

Кренц дал указание избегать конфронтации и поднять шлагбаумы на КПП.

Мильке – Ты прав, сынок².

Достоверность версии, излагаемой Э.Кренцем, представляется достаточно сомнительной. По другим данным, никаких приказов пограничникам ГДР не последовало. Их малочисленные наря-

ды на контрольно-пропускных пунктах противостояли большим толпам возбужденных людей, не имея указания командования о линии поведения. В конечном итоге в 21.30 начальник КПП на Борнхольмер штрассе отдал приказ поднять шлагбаумы и пропустить людей на западную сторону. До полуночи этому примеру последовали и на других КПП в Восточном Берлине.

Размышляя о событиях в Берлине 9 и 10 ноября 1989 г., я все более прихожу к мысли, что произошло совершенно невероятное, своего рода чудо.

Падение Берлинской стены в ночь с 9 на 10 ноября, было обусловлено совокупностью огромного числа разнородных причин, действие которых оказалось сфокусированным именно на эту дату. В ряду этих причин можно назвать, в частности:

– Ограниченную дееспособность руководства ГДР (7 ноября подал в отставку Совет министров республики во главе с В.Штофом, а в партийном руководстве царил тотальный разброд: 8 ноября последовала отставка прежнего состава политбюро);

– Ошибочные представления руководства ГДР об отсутствии политического подполья в стране и о малых размерах негативного политического потенциала;

– Неадекватное поведение Г.Шабовского из-за недостаточного знакомства с текстом постановления Совета министров ГДР, о котором он докладывал на пресс-конференции вечером 9 ноября;

– Убежденность советского руководства в устойчивости государственного строя в ГДР. Отсюда его полная неспособность прогнозировать реальное развитие обстановки в Восточной Германии;

– Отсутствие у советской стороны достаточной информации о работе 10-го

пленума ЦК СЕПГ и о принятых там решениях;

– Обрыв связи с высшим советским руководством в критические дни (7 и 8 ноября государственный праздник, 9 ноября недоступность советских лидеров из-за их участия в закрытых мероприятиях);

– Сосредоточенность всеобщего внимания восточных немцев на проблеме урегулирования выезда и частных поездок за границу;

– Готовность жителей ГДР к массовым акциям на улице;

– Состояние крайнего возбуждения восточногерманского населения в сочетании с эйфорическим ожиданием происшествия, за которым последует коренной поворот в жизни общества.

Чудо заключалось и в том, что падение Берлинской стены, которое по своим масштабам было поистине тектоническим событием, не повлекло за собой инцидентов, потребовавших вмешательства вооруженных сил. А чудеса потому и являются таковыми, что их нельзя предвидеть.

По этой же причине представляются несостоятельными заявления ряда российских журналистов и политиков, следовавшие позднее, о том, что они предвидели падение Берлинской стены заранее. Примечательно, в частности, что А.С.Черняев, бывший помощник генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева, выступая на авторитетном форуме*, отмечал, что в моих публикациях содержатся ложные утверждения, согласно которым падение Берлинской стены явилось неожиданным для высшего советского руководства. По его словам, это не соответствует действительности: М.С.Горбачев предвидел падение стены.

В связи с ремаркой А.С.Черняева возникает ряд вопросов.

Почему же тогда Михаил Сергеевич не коснулся данной темы в беседе с лидером ГДР Эгоном Кренцем, которая состоялась всего за девять дней до падения Берлинской стены? Видение ситуации советским руководителем было совсем иным. Это отражают слова Горбачева в ходе этой беседы о том, что “вопрос объединения Германии не является сегодня проблемой актуальной политики” и что этот вопрос встанет на повестку дня “через несколько десятилетий”³.

Почему тогда из Москвы не последовало предупреждений о надвигающихся событиях ни командованию Западной группы войск, ни советскому посольству в Берлине?

Наконец, почему столь экстраординарной была реакция самого Горбачева на события следующего дня, 10 ноября, когда Михаил Сергеевич передал в сверхсрочном порядке свое послание канцлеру Г.Колу, находившемуся на трибуне митинга в Западном Берлине, с просьбой “подействовать на людей успокаивающе”?

Конечно, Горбачеву было известно о намерении властей ГДР обеспечить возможность для свободного выезда своих граждан на Запад и в этих целях открыть контрольно-пропускной пункт на стыке границ ГДР, ФРГ и Чехословакии.

Об этом министр иностранных дел ГДР О.Фишер проинформировал посла В.И.Кочемасова 7 ноября с просьбой срочно запросить мнение высшего советского руководства. Примечательно, однако, что ни 7, ни 8, ни 9 ноября посол не мог связаться ни с Горбачевым, ни с Шеварднадзе, и решение

* На VI пленарном заседании Совместной Комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений 26 сентября 2003 г.

пришлось принимать одному из заместителей министра иностранных дел СССР.

Однако главное значение имели обстоятельства, сопутствовавшие открытию границы в Берлине, а их мог предсказать лишь ясновидец. Хочу также добавить, что находясь в те дни в Берлине и обладая достаточно полной информацией об обстановке в городе, я, как и мои коллеги, видел, что угроза кровопролития и возникновения крупного вооруженного конфликта была вполне реальной.

Оценивая ситуацию тех дней, нельзя не учитывать всю парадоксальность того обстоятельства, что в ноябре 1989 г. основная масса жителей ГДР выступала за усовершенствование социализма в республике. Перелом наступил лишь во второй половине декабря, когда лозунг *"Мы — народ!"* сменился лозунгом *"Мы — единый народ!"*

Визит М.С.Горбачева 6–7 октября 1989 г. в столицу ГДР обозначил тот рубеж, с которого началось крушение восточногерманского государства. 18 октября последовала отставка Хоннекера. Приход к власти Эгона Кренца и его сторонников, провозгласивших политику поворота, не привел к нормализации обстановки. Открытие границы между Восточной и Западной Германией сделало невозможным дальнейшее существование ГДР как самостоятельного государства.

Нельзя не признать, что события, сопровождавшие крушение ГДР, полностью противоречили нашему идеологическому воспитанию и установкам советского руководства. А отсюда наша тотальная неспособность спрогнозировать реальное развитие обстановки. В первой половине 1989 г. даже предположение о возможности открытия границы в Берлине выглядело бы полнейшей фантастикой.

Падение Берлинской стены в ночь на 9 ноября 1989 г. для меня, как и для всех советских сотрудников в ГДР, явилось полнейшей неожиданностью.

Конечно, определенная часть дипломатов и партийных работников была осведомлена о планах руководства ГДР разрешить свободный выезд на Запад большинству категорий своих граждан. Однако при этом вовсе не предполагалось открывать границу с Западным Берлином. Имелось лишь в виду оборудовать специальный КПП рядом с точкой схождения границ ГДР, ФРГ и ЧССР. Эти сведения в общих чертах были известны и нам из бесед руководителя нашего учреждения с послом В.И.Кочемасовым.

Мы не располагали сведениями, как проходила подготовка нового постановления о разрешении переселения граждан ГДР на Запад и об их поездках за границу. При этом наша осведомленность о работе 10-го пленума ЦК СЕПГ, который открылся 8 ноября, была совершенно недостаточной, поскольку к тому времени мы лишились основных источников информации, близких к руководству партии.

Я прослушал отчет Г.Шабовского о работе пленума ЦК СЕПГ в вечернем выпуске телевизионных новостей и не придавал ему особого значения. Я, как и мои коллеги, даже не отметил, что в постановлении о выезде на Запад впервые говорилось о выезде не только в ФРГ, но и в Западный Берлин.

Лично я весь день 9 ноября находился на работе. День не был интересным. Поступившая к нам информация о пленуме ЦК СЕПГ по существу не содержала сведений, заслуживавших внимания. Ежедневный отчет Г.Шабовского по телевидению о работе пленума, казалось, был дежурным казенным выступлением. Словом, в связи с этим выступлением мы не ожидали никаких существенных последствий. Ве-

чером около 9 часов я возвратился домой, поужинал и через некоторое время лег спать, не ведая о том, что творится на улицах столицы ГДР.

Около полуночи меня разбудил телефонный звонок. Дежурный по отделу сообщил, что пограничные КПП беспрепятственно пропускают жителей ГДР в Западный Берлин. Об этом событии направлена внеочередная телеграмма в Москву начальнику советской внешней разведки. Я долго не мог заснуть, но ночь прошла спокойно. Шквал наступил на следующее утро.

На следующий день, 10 ноября, людской поток, устремившийся в Западный Берлин, был еще многочисленнее. На улицах города царил всенародный праздник. Толпы жителей Западного Берлина восторженно встречали своих собратьев из ГДР. “Стена пала!” – раздавалось повсюду.

В конце дня у западноберлинской ратуши был организован митинг, главными ораторами на котором были В.Брандт и правящий бургомистр города социал-демократ В.Момпер. Для участия в митингах в Западный Берлин спешно прибыл федеральный канцлер Г.Коль, который ради этого прервал свой государственный визит в Польшу.

Высшие руководители ГДР не были в состоянии восстановить контроль над обстановкой. А 10 ноября они оказались абсолютно недееспособными. На продолжавшемся пленуме ЦК СЕПГ шла беспорядочная дискуссия. В связи с экстраординарной ситуацией пленум свернул свою работу, не приняв никаких решений. В газете “Нойес Дойчланд”, вышедшей в этот день, не было даже упоминания о ночных событиях. Ни Кренцу, ни его соратникам не пришлось в голову использовать открытие границы для укрепления своего авторитета.

В первой половине дня 10 ноября Э.Кренц телеграммой проинформировал М.С.Горбачева о происшедшем.

Кренц сообщал, что “развитие обстановки в ГДР потребовало принять в ночные часы решение, позволяющее гражданам ГДР выезд также в Берлин (Западный)”.

Такое решение оказалось необходимым, так как у границы образовались большие скопления людей, и отказ им в пропуске через КПП привел бы к тяжелым политическим последствиям. Тем самым принципиальные положения Четырехстороннего соглашения не затрагиваются, так как практика выдачи разрешений на поездки к родственникам в Западный Берлин существовала и до этого.

За ночь через КПП в Западный Берлин прошли около 60 тыс. граждан ГДР. Около 45 тыс. из них вернулись назад. Вопреки действительному положению Кренц утверждал, что 10 ноября, начиная с 6.00 утра, в Западный Берлин могут выезжать только граждане ГДР, имеющие соответствующую визу. Далее Кренц высказал просьбу об указании советскому послу немедленно установить контакт с представителями трех западных держав, чтобы гарантировать, что они обеспечат нормальный порядок в городе, и предотвратить провокации у государственной границы со стороны Западного Берлина.

В ответ на телеграмму Э.Кренца в тот же день М.С.Горбачев поручил послу В.И.Кочемасову передать руководителю ГДР свое устное послание с одобрением его действий: “Все было сделано совершенно правильно. Так держать – энергично и уверенно!”.

К сказанному следует добавить, что открытие границы в Берлине явилось полной неожиданностью как для советского посольства и других наших учреждений в ГДР, так и для командования Западной группы войск. В частности, в берлинском аппарате КГБ об этом событии стало известно поздно вечером 9 ноября из передач западного телевидения.

Реакция руководства советской разведывательной службы, для которого случившееся также оказалось совершенно внезапным, была весьма нервной: 10 ноября от нас непрерывно требовали докладов о развитии обстановки.

Чувствовалось, что в Москве опасались возникновения крупных инцидентов, вероятность которых была вполне реальной, учитывая масштабы происходившего и наэлектризованность масс, вышедших на улицу. Непрерывные запросы по телефону шли и от местных военных, которые в ожидании возможных массовых беспорядков находились в состоянии высшей боеготовности.

Между тем, составить реальное представление о том, что творится по обе стороны Берлинской стены, было крайне затруднительно. Весь центр города и магистрали, ведущие к нему, были заблокированы автомобильными пробками. В обеденный перерыв я попытался посетить наше посольство, однако, это намерение оказалось неосуществимым. Выехав на Франкфуртер Аллее, я попал в плотный автомобильный затор, простояв в котором около получаса, был вынужден развернуться обратно и возвратиться в Карлсхорст.

В цепи осенних событий 1989 г. день 10 ноября был, очевидно, потенциально наиболее опасным. Жители ГДР толпами продолжали пересекать границу с Западным Берлином; целые коллективы предприятий и учреждений ради этого прекратили работу. К тому же в вечерние часы одновременно с митингом в Западном Берлине у Шенебергской ратуше, на который собрались 50 тыс. чел., всего в нескольких километрах в центре столицы ГДР проходил 100-тысячный митинг сторонников СЕПГ. Была заявлена также параллельная демонстрация оппозиционных сил.

В этих экстремальных условиях нельзя было исключать, что дело могло дойти до крупных столкновений с вовлечением в них пограничников ГДР, а это, несомненно, повлекло бы за собой применение войск для восстановления порядка. К тяжелым последствиям могли привести и мелкие инциденты и провокации.

Учитывая остроту ситуации, М.С.Горбачев передал срочное послание федеральному канцлеру Г.Коллю перед самым его выступлением на митинге у Шенебергской ратуши.

Горбачев обращался с просьбой "подействовать на людей успокаивающе" "в духе открытости и реализма", поскольку в обеих частях Берлина одновременно проходят большие демонстрации, и в этой сложной ситуации необходимо принять экстраординарные меры, чтобы предотвратить возникновение хаоса с непредсказуемыми последствиями⁴.

М.С.Горбачев проинформировал о ситуации в Берлине президента США Буша, президента Франции Миттерана и премьер министра Англии Маргарет Тэтчер.

В его посланиях речь шла о том, что "в настоящее время в ГДР происходят глубокие и значительные изменения. Руководство республики действует целеустремленно и динамично в интересах народа, разворачивает широкий диалог с различными группами и слоями общества".

Горбачев предложил немедленно провести встречу представителей четырех держав, "чтобы события не приняли развития, которое не является желательным"⁵.

Советскому послу в ГДР было дано указание немедленно установить контакт с представителями администрации трех западных держав в Западном Берлине.

Вопреки всеобщим опасениям, обстановка в обеих частях города была относительно спокойной. Ликование, царившее в Западном Берлине и возле Берлинской стены, не сопровождалось какими-либо агрессивными проявлениями

ями, а митинг у Шенебергской ратуши прошел весьма организованно.

Сторонники СЕПГ, проводившие свою демонстрацию в центре Восточного Берлина, не обнаружили намерений двигаться в сторону Запада. У людей в этой части города чувствовалась приподнятость настроения и даже эйфория, но выражения радости были сдержанными, заметно было, что одновременно присутствовали напряженное ожидание и внутренняя тревога.

Тем не менее, в целом этот полный неожиданный и чреватый опасностями день, если не считать нескольких мелких инцидентов, прошел в относительно упорядоченных рамках.

В последующие дни (а 11 и 12 ноября приходились на субботу и воскресенье) массовые посещения Западного Берлина и приграничных городов ФРГ восточными немцами продолжались.

Например, 11 ноября там побывали более миллиона жителей ГДР.

За 10 дней после 9 ноября полиция выдала 11 млн. виз на посещение ФРГ и Западного Берлина.

При этом наряду с эмоциональной стороной и психологическими мотивами имели значение и материальные соображения. Ведь каждому жителю ГДР, впервые посещавшему ФРГ, выдавались "в качестве приветствия" сто западных марок. В меняльных конторах их можно было обменять в те дни по спекулятивному курсу на 1000 марок ГДР. В очередях за получением денег "в качестве приветствия" нередко можно было видеть целые семьи восточных немцев в полном составе, включая малых детей и престарелых родителей в инвалидных колясках.

Только в Западном Берлине с 10 по 20 ноября было выдано 350 млн. марок ФРГ.

Одновременно возникли проблемы и с другой стороны. 11 и 12 ноября тысячи западноберлинцев стали взбираться "на стену", чтобы преодолеть ее в направлении Восточного Берлина, особенно у Бранденбургских ворот. По

настоящему властей ГДР советское посольство обратилось за помощью в английскую и американскую военные администрации Западного Берлина. В ответ на эту просьбу в местах нарушения границы были установлены оцепления западноберлинской полиции и появились английские военные патрули, которые восстановили порядок.

12 ноября на Потсдамер платц, где в срочном порядке были сделаны проломы во внешней и внутренней бетонных стенах "защитного вала" и уложен асфальт, открылся новый контрольно-пропускной пункт между двумя частями разделенного города.

На открытии КПП присутствовали оба берлинских мэра: обербургомистр столицы ГДР Э.Крак и правящий бургомистр Западного Берлина В.Момпер. Это было свидетельством того, что руководство ГДР, наконец, вышло из шока, наступившего 9 ноября.

Открытие границы означало огромный шаг на пути к восстановлению единства нации. Не следует, однако, считать, что это вызвало у всех жителей ГДР восторженную реакцию. Многие из них почувствовали тревогу за свое будущее, некоторые остро переживали унижение, испытанное при посещении Западного Берлина из-за отсутствия западных денег. Но это имело лишь третьестепенное значение. Доминирующим было пробуждение чувства национальной общности, проявления которого преимущественно носили чисто стихийный характер.

В подтверждение сказанного мне хотелось бы привести здесь и свои личные наблюдения. В один из субботних дней в конце ноября мне пришлось совершить поездку в Вюнсдорф.

Зрелище, которое довелось увидеть при выезде из Берлина, было потрясающим. От железнодорожного моста в конце шоссе Адлергештель по направлению к Шенефельду и к Дрездену на обочине ав-

тострады вплотную друг к другу, насколько видел глаз, стояли тысячи трабантов, вартбургов и жигулей, владельцы которых, прибывшие с семьями из разных мест ГДР, оставили свои автомашины и направились в Западный Берлин на электричке по городской железной дороге.

Это было не чем иным, как выражением внутренней потребности людей к объединению со своими соотечественниками.

Сами масштабы этого проявления говорили о мощном внутреннем импульсе и не могли быть объяснены ни простым любопытством, ни материальными соображениями.

Открытие границы между Восточной и Западной Германией, произошедшее при полной утрате контроля над обстановкой со стороны властей ГДР, определило дальнейшее развитие в стране. Это событие полностью деморализовало восточногерманских руководителей.

"Многолетнее отчуждение от людей лишило их инстинкта, и они не смогли использовать шанс этого исторического момента. В последующие дни ни один из них не появился у стены, в то время как на другой стороне были представлены все руководящие политики Федеративной Республики". С этой констатацией американских историков Филипа Зеликоу и Кондолизы Райс нельзя не согласиться.

Свобода действий правительства ГДР как в политической, так и в экономической областях стала еще более ограниченной. В этих условиях дальнейшее проведение "политики поворота" оказалось практически неосуществимым. Тем самым потерпели неудачу попытки Э.Кренца и его сторонников сохранить основные позиции СЕПГ, проводя контролируемые реформы. Открытие границы между Восточной и Западной Германией сделало невозможным дальнейшее существование ГДР как самостоятельного государства.

Нельзя не сказать и о том, что и советское руководство никак не использовало это событие в пропагандистском плане для укрепления своих позиций. В сознании немцев это событие непосредственно увязывалось с личностью Горбачева.

Например, одна из ведущих западноберлинских газет "Тагесшпигель" на следующий день напечатала на центральном развороте огромными буквами: "СПАСИБО ГОСПОДИНУ ГОРБАЧЕВУ ЗА 9 НОЯБРЯ".

Примечательно, что стихийное открытие границы ГДР с Западом повергло в шок многих руководителей гражданских движений.

"Люди сошли с ума, а правительство потеряло рассудок", заявила лидер "Нового форума" Бэрбель Боляй. В листовке, с которой руководство "Нового форума" обратилось к населению, говорилось о грозящих ГДР тяжелых последствиях: "Погоня за маркой ФРГ, обладающей явно завышенной покупательной способностью... распродажа наших заводов и сельскохозяйственных имений западным предпринимателям, черный рынок и валютная контрабанда... Наши деньги, утекающие через обменную систему, вернутся к нам для скупки субсидируемых товаров и разжигания инфляции".

Примечания

¹ *Maximyschew I., Hertle H.-H.* Die Maueröffnung. Deutschland Archiv Nr.11. 1994. S. 1146, 1147, 1148, 1149.

² *Krenz E.* Herbst '89. Berlin, 1999. S.246.

³ Стенограмма протокола беседы М.С.Горбачева и Э.Кренца 1 ноября 1989 г.

⁴ *Teltschik H.* 329 Tage. Innenansichten der Einigung. Berlin, 1991. S. 19 f.

⁵ Послание М.С.Горбачева. Федеральный архив ФРГ. Документ SAPMO BArch, ZPA-SED, IV 2/2 039/31.